

Оставалось сделать лишь одно. С наступлением ночи Дзюэцу, присев на решетчатый подоконник, устремила взгляд на улицу. Сгущающиеся сумерки лишь подчеркивали яркость луны, которая, казалось, все больше разгоралась. Закрыв глаза, Дзюэцу различила пронзительный крик ночного ястреба. Дыхание стало поверхностным, а мысли обратились к тому, кто был ее целью. Чем глубже погружалась она в ночную тишину, тем дальше уходили ее чувства. Зимний король, властелин тьмы, протягивал ей руку. То, что было недоступно днем, открывало свои тайны под покровом ночи. — Кошун... в своей главной резиденции? — шепнула Дзюэцу, улавливая тонкий аромат, витавший в воздухе. — Вокруг Кошуна... Она слегка приоткрыла глаза. Этот запах... он был знаком. Тот же, что она ощутила утром, входя в зал Гёкоу. Дзюэцу принялась морщась. — Вот идиот, — прошептала она себе под нос. — Этот человек — дурак. — Дзюэцу спрыгнула с подоконника и направилась к двери. Синьсин, ее верный сокол, забеспокоился, хлопая крыльями и метаясь по комнате. Дзюэцу улыбнулась ему одними губами. — Спокойно, Синьсин. Я скоро вернусь. Не бойся, я никуда не денусь. Ты, надоедливый няньцзянский страж. — Она усмехнулась, глядя на сокола. — Если ты попытаешься донести на меня, я изжарю тебя целиком. Синьсин затих, успокоившись. Дзюэцу открыла дверь и быстро спустилась по ступеням. Подхватив длинную юбку, она заскользила по камням в своих парчовых туфлях. Выйдя из черного дворца, она побежала через рощу лавров и рододендронов к восточным воротам внутреннего дворца. Восточные ворота, соединяющие внутренний дворец с резиденцией императора, носили название Рингайских. У ворот горели сторожевые костры, у которых стояли стражники. Дзюэцу выдернула из волос один из пионов, цветок рассыпался на мелкие кусочки. Не замедлив шаг, она приблизилась к воротам и прошла мимо стражников. Те замерли, словно окаменев, не замечая ее, даже когда она вышла за ворота. Дзюэцу направилась к залу Гёкоу, как и велел ей утром Эй Сэй. В отличие от дворца Ямэй, на карнизах зала ярко горели фонари. Дзюэцу не стала заходить спереди, а обошла зал сзади, к главной резиденции. Пройдя через сад, она нашла внешнюю дверь в главную резиденцию. — Ааа... этот запах. — Дзюэцу взяла в руку цветок пиона и вставила его в волосы. Запах был гораздо сильнее, чем утром. Она нашла дверь и щелкнула пальцем. Дверь распахнулась с громким стуком. Вбежав внутрь, Дзюэцу увидела Кошуна, одетого в ночную одежду. Он стоял в центре комнаты, повернувшись к ней спиной. — Ты... почему? — голос Кошуна был спокоен, несмотря на внезапное появление Дзюэцу. Дзюэцу перевела взгляд на то, что было перед ней. Перед дверью, выходящей в коридор, стояли два призрака: бледнолицая женщина в багровой одежде и евнух с ужасающим видом. Это была мать Кошуна, супруга Ша, и Тэй Ран. Дзюэцу молча сорвала с волос цветок пиона и бросила его в сторону стоящих перед дверью призраков. Кошун схватил ее за руку. — Подожди. Что ты делаешь? — Молчи и смотри. Это скоро закончится. — Дзюэцу холодно посмотрела на Кошуна. — Нет, они безвредны. — Ты понятия не имеешь, что вредно, а что нет. Это моя территория. — Дзюэцу высвободила руку и подула на цветок. Он вспыхнул бледно-красным пламенем, которое затем превратилось в стрелу. Дзюэцу взмахнула рукой, направив стрелу на призраков. Она пролетела по воздуху, создавая легкий ветер, и, казалось, попала в призраков, но проскочила в щель между ними. В этот момент дверь за призраками открылась, и стрела полетела в нее. В этот момент раздался мощный рев, нет, не рев, а стон. Это был крик последних мгновений жизни, доносившийся из глубин земли, сотрясая воздух и пронзая кожу. Пронесся ураган, раскачивая всю комнату, и утих. Крики исчезли. Кошун ошеломленно смотрел на открытую дверь, не понимая, что произошло. Дзюэцу огляделась, убедившись, что сильный запах исчез. — Что это было... — Как ты думаешь, почему они остались стоять перед твоей дверью? — Дзюэцу посмотрела на двух призраков, которые в данный момент стояли рядом с дверью. — Я... я думал, это потому, что они хотят мне что-то сказать. — — Отчасти так оно и есть. Они защитники. — Защитники? От чего... — Ты дурак, — сказала Дзюэцу, повернувшись к нему спиной. — Тебя, конечно. Кошун, потеряв дар речи, повернулся к призракам. — Ты сказал, что они стали являться тебе только в последний месяц или около того. Что произошло месяц назад? — Кошун перевел взгляд на Дзюэцу. — Казнь вдовствующей императрицы. — Дзюэцу

кивнула. — И только после этого они появились? — Да. Но не сразу. — Кошун был явно озадачен. — Как это понимать? — Слушай. Когда я пришла сюда утром, я заметила запах. — Запах? — Запах зверя. Это был запах проклятия, которое использовал зверь. — — Проклятие... — Я не могу в это поверить, — пробормотал Кошун. — Проверьте дворец, где была заключена вдовствующая императрица, или здание, где ее держали до казни. Там могут быть следы проклятия. Да, надо проверить под кроватью или на балках. Вдовствующая императрица оставила последнее проклятие. Чтобы мучить Кошуна после ее смерти. — Значит, матушка и Ран... — Они выполняли роль последней защиты, не давая проклятию проникнуть в твою комнату. Кошун открыл рот, чтобы что-то сказать, но слов не последовало, и его взгляд просто опустился на пол. Затем он внезапно обернулся. Рядом с ним стояли призраки супруги Ша и Тэй Рана. Их некогда ужасающие облики преобразились. Супруга Ша превратилась в красивую женщину со стройным лицом и волосами, подвязанными палочкой, а Тэй Ран — в евнуха с добрыми глазами. Они выглядели так же, как и до смерти. Оба улыбались. С улыбками на лицах они быстро растворились во тьме и исчезли. Через мгновение осталась лишь бледная темнота цвета индиго. Рука Кошуна потянулась к ним обоим, но он выронил ее, так и не сумев дотронуться до них. Кошун некоторое время стоял, молча глядя в темноту. Дзюсэцу, ничего больше не сказав, повернулась на пятках и собралась уходить. Однако Кошун остановил ее. — Дзюсэцу. — — Ох, как я это ненавижу. — Ей было неприятно, что этот человек называет ее по имени. От этого она чувствовала себя как-то странно, и никак не могла успокоиться. — Почему ты мне помогла? Дзюсэцу нахмурила брови. — Что ты сказал? — Разве ты не злишься на меня? Разве ты не ненавидишь меня? — тихо спросил Кошун. Дзюсэцу некоторое время колебалась над ответом. — ...Я злюсь не на тебя, а на прошлых Летнего и Зимнего королей. — Именно они были виноваты в том, что Дзюсэцу оказалась в заточении во внутреннем дворце. — Кроме того, эти двое не смогут спокойно отдыхать, если я позволю тебе умереть. — Консорт Ша и Тэй Ран, которые даже в смерти все еще пытались защитить Кошуна. — Понятно, — Кошун потупил взгляд. — Спасибо. Откровенное «спасибо» застало Дзюсэцу врасплох. Она не знала, как реагировать. — Мне не нужна твоя благодарность, — отрезала она. — Теперь я у тебя в долгу. Как я должна отплатить тебе? — Как... Не решаясь торговаться о вознаграждении, Дзюсэцу решила больше не думать об этом. — Мне это не нужно. Скорее, я бы предпочла, чтобы вы больше не приходили в мой дворец, — сказала она, сдерживая эмоции. Кошун уставился на нее, словно не веря своим ушам. — ...Что? — Я не могу тебе помочь? — переспросила Дзюсэцу, смягчая тон. Ее глаза дрогнули. Она заглянула в глаза Кошуна, пытаясь понять, что он хочет сказать, но увидела лишь искренний свет в них. — ...Мне не нужна твоя помощь, — повторила она, чувствуя нарастающее напряжение. — Но... — Потому что это, скорее всего, мое наказание, — Дзюсэцу отвернулась от Кошуна, вглядываясь в темноту. — Наказание за то, что я смотрела, как умирает моя мать, не оказав ей помощи. Кошун прикрыл рот ладонью. В комнате повисла тишина, пропитанная горечью. Он пристально смотрел на Дзюсэцу, словно пытаясь разглядеть в ее глазах отражение своей собственной боли. — ...Значит, и меня постигло наказание, — пробормотал он, его голос звучал тихим и чистым, как зимнее утро. — Я получил гораздо худшее наказание за то, что не смог спасти Мать и Ран. Дзюсэцу вдруг подняла голову. В глубине глаз Кошуна застыла печаль, от которой невозможно было избавиться. Эта печаль была похожа на ее собственную, словно две половинки единого целого. — Если я буду наказан вместе с тобой, то, возможно, это не так уж и плохо, — сказал Кошун, его слова звучали как приговор, от которого нельзя было уйти. Он направился к своей кровати, оставляя Дзюсэцу стоять в немом изумлении. Увидев, что Кошун скрылся за занавесками, она вернулась к себе и направилась к двери. Выйдя в сад, она с удивлением увидела, что за дверью ее ждет Эй Сэй. Вероятно, чтобы не потревожить сон Кошуна, он тихо закрыл дверь, ничего не сказав. Он лишь бросил взгляд на Дзюсэцу и поклонился. Дзюсэцу покинула зал Гёкоу и вернулась во внутренний дворец через ворота Рингай тем же путем, что и пришла сюда. По возвращении во дворец Ямэй Синсин поднял шум, но она не обратила на него внимания и открыла шторы. Сев на кровать, она стала размышлять над словами Кошуна.

— Этот человек действительно дурак, — пробормотала она, усмехаясь про себя. Дзюсэцу легла на матрас, по-прежнему одетая в черную одежду. Верхняя одежда фиолетового цвета была расписана узором из волн и птиц. Подходящая юбка была из гусино-желтого саржевого полотна с жемчугом, вплетенным в узоры. Цзюцзюй повесила на плечи Дзюсэцу тонкую шелковую шаль. Это была розовая шаль, похожая на утреннее небо весной. Вся одежда была подарена Кадзю. — Какую заколку ты хотела бы надеть? — спросила Цзюцзюй, наблюдая за Дзюсэцу. — А... — Дзюсэцу вспомнила об этом. Она достала из шкафа расческу из слоновой кости. Это был подарок Кошуна. Когда Дзюцзю рассмеялась и сказала: «О, Боже!», Дзюсэцу быстро ответила: «Она была сделана под этот наряд», как бы оправдываясь. — Но я же ничего не сказала, — заметила Цзюцзюй. — Ты хотела сказать это, — ответила Дзюсэцу, улыбаясь. Когда Дзюсэцу в сопровождении Цзюцзю прибыла во дворец Эноу, их встретили пунцовые розы в полном цвету. Кадзё, ожидавшая со своими сопровождающими перед ступенями, с довольной улыбкой сказала:— Тебе очень идет эта одежда. Дзюсэцу пришла сюда, получив приглашение от Кадзё.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/3124796>